

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЛЕКСЕМ УМ / УШ В РУССКИХ И МАРИЙСКИХ ПАРЕМИЯХ: ДИАХРОННЫЙ АСПЕКТ

© Лейсан Тимербаева, Юлия Данилова, Лариса Бубекова

FUNCTIONAL-SEMANTIC FEATURES OF THE LEXEMES “UM/USH” LINGUISTIC IMPLEMENTATION IN RUSSIAN AND MARI PROVERBS: A DIACHRONIC ASPECT

Leysan Timerbaeva, Juliya Danilova, Larisa Bubekova

In the context of the modern scientific paradigm of linguistics, the linguoculturological approach to the study of linguistic units is becoming more and more relevant. Proverbs occupy a special place as accumulators of cultural values and the centuries-old experience of a certain ethnic group. They form an important part of the communicative funds of ethnic groups (in particular, Russian and Mari), reflect the specifics of their thinking, and the national cultural semantics. This article traces and describes the evolution of the linguistic world-image of Russian and Mari linguocultures, considers the problem of creating stereotypical views about national culture and the features of ethnic mentality. The purpose of this research is to consider the basic components and features of verbalization of the lexical units “um” in Russian and “ush” in the Mari language and to give their contrastive description as fragments of ethno-linguo-cultural world-image. To this end, we carried out a thorough analysis of the definitions of well-known explanatory dictionaries that represent the constant mental unit “um/ush” in the context of proverbs as ethnoculturally marked. The study is based on dictionaries and collections of proverbs and sayings of the Russian and Mari languages, the choice of which was determined by the objectives of the study and the popularity of these publications. The corpus of the Russian paroemiological material consists of about 1500 paroemias, in the Mari language, it includes about 400 paroemias. The comparative analysis method allowed us to determine ethnocultural similarities and differences of the “um/ush” phenomenon among the representatives of two different language families. By comparing lexicographic interpretations with these peoples’ naive stereotypical representations of “mind”, mirrored by their paroemiosphere, where the semantic boundaries of the lexical units “um / ush” expand, we have come to the conclusion that the languages under study are characterized by a commonality of fundamental values, while the differences are reflected in nuances of expression, distribution, and combinatorics of the norms.

Keywords: um/ush, proverbs/paroemias, Russian and Mari linguoculture, diachronic aspect, functional-semantic analysis.

В контексте современной научной парадигмы языкознания все чаще актуализируется лингвокультурологический подход к исследованию языковых единиц, среди которых особое место занимают паремии как лингвокогнитивный ступок культурных ценностей, многовекового опыта конкретного народа. В них проявляется своеобразие мышления, они составляют важную часть дискурсивных практик этносов (в частности русского и марийского) и отличаются ярко выраженной национально-культурной семантикой. В данной статье авторами прослеживается и описывается эволюционирование языковой картины мира русской и марийской лингвокультур, рассматривается проблема создания стереотипных представлений о культуре народа, особенностях его этноменталитета. Предпринятая авторами попытка рассмотреть базовые составляющие и особенности вербализации лексем ум в русском и уш марийском языках, дать их контрастное описание как фрагментов этнолингвокультурных картин мира стала целью настоящего исследования. Достижение ее осуществлялось посредством анализа дефиниций известных толковых словарей, которые репрезентируют константную ментальную единицу ум / уш в контексте паремий как этнокультурно маркированную. Материалом для исследования послужили словари и сборники пословиц и поговорок русского и марийского языков, выбор которых определили задачи исследования и популярность данных изданий. Корпус исследуемого паремиологического материала в русском языке составил около 1500 паремий, в марийском языке – около 400 пословиц. Метод компаративного

анализа позволил определить этнокультурные сходства и различия феномена *ум / уш* у представителей двух разных языковых семей. В результате сопоставления материалов лексикографической интерпретации с наивным стереотипным представлением данных народов об уме, отраженном в паремииосфере, где расширяются семантические границы лексем *ум / уш*, авторы приходят к выводу о том, что для исследуемых языков характерна общность фундаментальных ценностей, различия же отразились в нюансах выражения, распределении и комбинаторике норм.

Ключевые слова: ум / уш, паремии, русская и марийская лингвокультура, диахронный аспект, функционально-семантический анализ.

Проблема семантики языка как инструмента кодирования и декодирования мировоззрения, миропонимания и поведения народа стала центральной в лингвистике во второй половине XX века. Центром исследовательских стратегий начинают выступать базовые ментальные образования, реализующие национально-культурную специфику, к числу которых относятся лексемы *ум / уш*. Ум, являясь универсальной человеческой ценностью, имеет свое лингвокогнитивное выражение, которое специфично для различных этнокультур при наличии нескольких базовых признаков общностей. Уникальность феномена объясняется присутствием в нем своеобразных коннотативных и ассоциативных признаков, основанных на ментальных образах, которые присущи конкретному культурному социуму.

Лексическая интерпретация репрезентанта позволила выявить ядерную сему «способность человека мыслить» [Ожегов, Шведова, с. 82], которая прослеживается в словарных статьях толковых словарей разных периодов (см.: [Даль], [Толковый словарь русского языка], [Кузнецов]); в результате данная сема стала и интегральным компонентом. Архисема указывает на природное начало ума: у каждого человека при рождении есть предпосылки к познавательной деятельности. В толковом словаре В. И. Даля в ЛСВ-1 объективируется дифференциальная сема «одна половина духа» [Даль, с. 507], что отсылает к трихотомическому взгляду на структуру человека в христианстве, унаследованному от античной философии, где демонстрируются, с одной стороны, эквивалентность лексем *дух* и *ум*, а с другой – бинарность тела и ума. Общие для человеческого духа и ума функции богосозерцания и богообщения дают возможность взаимозамены этих слов.

Концептуально-смысловая трансформация основного значения полисеманта *ум* наблюдается в толковом словаре Д. Н. Ушакова, в результате, помимо категориально-лексической семы (архисемы), фиксируется значение «Общественное сознание, общественная мысль, умственные интересы общества; общество, люди, как носители каких-н. представлений, умственных интересов, спросов» [Толковый словарь русского языка, с.

936], что связано со сменой приоритетов страны: в эпоху СССР утвердилось положение о построении развитого социалистического общества. Автор добавляет новый ЛСВ: «перен. человек, характеризующийся его умственными, интеллектуальными способностями. || Выдающийся человек, мыслитель, ученый» [Там же], отражающий замещение религиозного сознания научно материалистическим.

Если у С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой словарная дефиниция лексемы *ум* остается неизменной, то в словаре С. А. Кузнецова наблюдается семантический сдвиг (сужение) в семантической структуре лексемы: «сознание, рассудок» [Кузнецов, с. 1385].

Очень информативными при исследовании являются паремии, через которые определяются особенности реализации лексем, выявляются смысловые приращения, позволяющие одновременно расширить и уточнить их семантическое поле.

Древнейшее представление о том, что ум – духовная ипостась человека, данная Богом, отражено в паремиях: *Не дал Бог ума, найдется сума* [Пословицы русского народа, т. 1, с. 378]; *Всякая мудрость от Бога* [Там же, с. 375]. Но, с другой стороны, русский народ гласит, что ум можно приобрести, развивать благодаря полученным знаниям: *Жить да быть – ума копить* [Там же, с. 376].

Пословица *Смешай, господь, ум с разумом* [Там же, с. 388] демонстрирует разграничение понятий «ум» и «разум» в паремииосфере. Разум – признак, который отличает человека от других представителей живого мира, а ум есть и у животных: *Разум, совесть да честь – лучшее, что у человека есть* [Там же, с. 386]. Эта же мысль обнаруживается у Даля: «не менее того низшая степень ума должна быть признана за некоторыми животными, но разума нет ни в одном; принимая ум в сем ограниченном, тесном смысле, можно сказать: умная лошадь, собака, но разумная, сказать нельзя» [Даль, с. 507]. В целом, оппозиция *ум / разум* базируется на архетипическом бинOME «низшее / высшее», о чем свидетельствует русский пословичный фонд: *Где ума не хватит, спроси разума* [Пословицы русского

народа, 1989, т. 1, с. 388]; *Умен, да не разумен* [Там же]; *Ум разумом крепок (красен)* [Там же]. Эта антиномия обнаруживается в словарях В. И. Даля, Н. Д. Ушакова. В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой планы содержания лексем *ум* и *разум* практически совпадают.

Русский народ особенно подчеркивает прагматическую полезность ума: обладающий умом (опытом / знаниями) легче живет, легче справляется с возникшими трудностями; а деятельность глупого никому не приносит пользы: *Умная голова сто голов кормит, а худая и себя не прокормит* [Там же, с. 376].

В значительной части пословиц и поговорок компоненты *ум / разум* замещает лексема *голова*: *Голова – всему начало* [Русские пословицы и поговорки, с. 65], которая соотносится с соматическим, телесным кодом культуры. Этот образ восходит к одной из мифологических форм осознания мира – анималистической, олицетворяющей телесную часть, которая метонимически идентифицирует самого человека. Отождествление осуществляется по функциональной сопредельности: ум и голова «отвечают» за мышление и осознание мира.

Нередко в паремиологическом фонде ключевой компонент *ум* заменяется номинациями «мудрость» (*Мудрость в голове, а не в бороде* [Русские пословицы и поговорки, с. 186]); «толк» (*Где ум, там и толк* [Пословицы русского народа, с. 376]); «премудрость» (*На человеческую глупость есть божья премудрость* [Там же]). В вербализаторе «дом» проявляется качественный признак, который складывается исходя из категории «свой / чужой»: *Свой умок – свой домик, свой уголок* [Там же, с. 384]. В паремиях актуализируются следующие имплицитные семы: «воля» – *Мужик умен – пить волен, мужик глуп – пропьет и тулуп* [Там же, с. 378]; «догадливость» – *Кто умнее, тот достанет поскорее* [Там же, с. 376]; «хитрость» – *Чем голее, тем умнее* [Там же, с. 385]; «уменьше» – *Не копьём побивают, а умом* [Там же, с. 376]. Нами не обнаружено паремий с компонентами «сознание» и «интеллект», входящих в концептуальное поле «ум», что объясняется, на наш взгляд, более широким употреблением данных единиц в идеализированной политике, психологии, психиатрии и филологии.

Помимо узуальных антонимов «глупость», «сердце», «чувство», «безумие», зафиксированных в «словарном» дискурсе, в пословицах «уму» противопоставлены лексемы «сила» (*Сила – ума могила* [Там же, с. 376]), «сума» (*От большого ума досталась сума* [Там же, с. 378]) и единицы с общим значением «внешние характе-

ристики человека» (*Ростом с тебя, а умом с тебя* [Там же, с. 382]). Примечательно, что в корпусе исследуемого паремиологического материала преобладают паремии, репрезентирующие понятие «глупость». Часто образ глупого актуализируется через образ женщины: *Что ни дурень, то и бабин* [Там же, с. 381]; *Бабы басни, а дурак-то любит* [Там же, с. 386]. Гендерно стереотипизированный и прагматически маркированный образ бабы обусловлен архаичным, свойственным андроцентричной, патриархатной картине мира представлением о женщине как источнике греха и зла. Дополнительные характеристики ключевого образа определяются его обусловленностью категориями времени (*Утро вечера мудренее* [Русские пословицы и поговорки с. 314]), пространства (*Ум за морем не купишь, коли его дома нет* [Толковый словарь русского языка, с. 384]), количества (*Ум – хорошо, а два – лучше* [Там же]).

В марийском языке, как и в русском, план содержания лексемы *ум* претерпевает изменения в процессе исторического развития, которые позволяют проследить русско-марийские словари разных годов. Так, в труде И. Ф. Андреева, Д. И. Иванова, К. Ф. Смирнова (1943 г.) у лексемы *ум* однозначный прямой перевод – «уш; -ный *ушан*; -ственный *уш*; умственный труд – *уш паша*» [Андреев, Иванов, Смирнов, с. 474]. Словарная статья «ум» в «Русско-марийском словаре» 1966 г. представлена набором следующих дефиниций: «1. уш; здравый ум *таза уш*; 2. перен. (мыслитель) *ушан ен*; лучшие умы человечества *айдеме тукымын ушан эн сай енже-влак*; ◇ в уме *ушышто*; сходить с ума *ушдымо лияш*; и в уме не было *ушыштат лийын огыл*; прийти на ум *ушыш толын пураш*; свести с ума *ушдымым ышташ*, *ушым колташ*; ума не приложу *шоненат ом му*, *умылен ом керт*» [Русско-марийский словарь, с. 785]. Развитие ЛСВ-2 обусловлено экстралингвистическим фактором: активным развитием научной сферы жизнедеятельности, временем, когда наука СССР была одной из передовых в мире. Наиболее полный план содержания полисеманта *ум* в марийском языке представлен в 10-томном марийско-русском словаре: «1. ум; способность мыслить. 2. сознание, рассудок. 3. память; способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт. 4. мысль; то, что заполняет сознание, дума. 5. ум, мудрость. 6. перен. душа, свойство характера. 7. перен. урок, наука; нечто поучительное. 8. в поз. опр. ума; относящийся к уму. 9. в поз. опр. умственный; относящийся к деятельности ума, сознания, мысленный» [МарНИИЯЛИ, Марий йылме мутер].

Марийский народ стремился к гармонии с природой, а также к целостности и единству разума и души. Поэтому, вероятно, лексемы *ум* и *душа*, состоящие в русском языке в антонимических отношениях, в марийском – синонимичны. Если не следовать этому правилу, то мариец говорил: *Шуко шонышо егын чонжым ия савыра* [Китиков, 1991, с. 300] – ‘Душой много думающего человека управляет злой дух’ (здесь и далее пер. авт. – Л.Т.).

Исследование паремиологического материала позволило установить особенности языковой реализации репрезентантов понятия *ум*. Стоит отметить, что, в отличие от русскоязычного пословичного фонда, не выявлено единиц, описывающих ум как врожденную особенность человека. Но, как и русские, марийцы считают, что ум развивается и обогащается благодаря получению знаний и навыков: *Тунемде, ум ок ушно* [Китиков, 1981, с. 82] – ‘Без знаний не будет ума’; преодолению жизненных трудностей: *Ойгылан вуйым пуыман огыл* [Там же, с. 58] – ‘Беде не нужно сдаваться’; посещению разных мест: *Ордыж мланде ушым пурта* [Китиков, 1991, с. 202] – ‘Чужая сторона умом наполняет’. Однако главную роль в совершенствовании ума марийский народ отдает семье. Поэтому в паремиосфере можно встретить такую пословицу: *Аваже тунькта гын, йоча пашалан чулым лиеш, ачаже гын – ушан* [Китиков, 1981, с. 15] – ‘Если мама учит ребенка, то он будет трудолюбивым, а если папа – умным’.

Следовательно, для носителей марийской лингвокультуры большую значимость приобретает бытовой опыт как способ приобретения и совершенствования знаний, а для русского человека более важным оказывается обучение и образование.

Подобно ряду пословиц русского народа, в марийских паремиях *вуй (голова)* осмысливается как «носитель ума»: *Ушдымо вуй – рожын кӧршӧк* [Китиков, 1981, с. 86] – ‘Голова без ума – дырявый горшок’. В марийской языковой картине мира также встречаются пословицы, характерная черта которых – противопоставление понятий «вуй (голова)» и «йол, поч (нога, хвост)», являющиеся собственно национальным. Например, *Вуй йолым ок вучо* [Там же, с. 27] – ‘Голова не ждет ноги’; *Вуйым поч огеш тунькто* [Там же, с. 21] – ‘Хвост не учит голову’. Хотя они имеют аналоги в русском языке, но воспринимаются иначе. Если В. И. Даль поместил подобные пословицы в рубрику «Начальство-приказ-послушание», то А. Е. Китиков подразумевает под словом *вуй* старшее поколение семьи, а под

лексемой *поч* – младшее, что вновь отсылает к основам семейных отношений.

Для марийского языкового сознания, как и для русского, актуален компонент «соотношение ума и речи». Как правило, умный лаконичен и содержателен в высказываниях: *Ушан мут курькым тарвата* [Там же, с. 261] – ‘Мудрое слово сдвигает горы’. Паремии с таким смысловым содержанием получили большое распространение, поэтому можно говорить о немногословности как о стороне национального характера марийца.

Пословицы представителей марийской лингвокультуры об уме представляют собой своего рода историко-этнографический очерк, так как отображают особенности пути развития народа. Так, в XIV в. марийцы подчинялись татарам. В паремиосферу вошли заимствованные слова *ын, акыл, ия* тюркского происхождения: *Книгаште ум-ын* [Китиков, 1991, с. 127] – ‘В книге – мудрость’; *Уш-акыл – калыкыште* [Там же, с. 261] – ‘Разум – в народе’. Они не получили большого распространения в марийском языке и помещены в Словарь низкочастотных слов.

Если обратиться к истории марийского народа, то долгое время марийцы вместе с Золотой Ордой сопротивлялись Киевской Руси, но в 1946 сами попросились под ее покровительство. Как и татаро-монголы, русские отбирали среди марийского населения десятников и сотников для сбора дани. Так начинало господствовать классовое неравенство. Оппозиция «богатый / бедный» актуализировалась и в пословицах об уме: *Поян – койышыж дене, йорло – ушыж дене* [Китиков, 1981, с. 70] – ‘Богач – повадками, бедняк – умом’, где *ум* – средство бедного человека для достижения благополучной жизни.

Марийский народ не хотел мириться с таким несправедливым отношением и отчаянно боролся за свои права. По мнению марийца, суть всей жизни – в борьбе: *Моштымаш – палымаште, палымаш – тунеммаште, тунеммаш – ылымаште, ылымаш – кредалмаште* [Китиков, 1981, с. 42] – ‘Умение – в знании, знание – в учении, учение – в жизни, жизнь – в борьбе’; *Вуйым яра пуыман огыл, кредалман* [Там же] – ‘Нельзя сдаваться, нужно бороться’.

Совместное проживание черемис и русских в течение одного века привело к появлению в их пословичных фондах схожих единиц: *Кид вий уло гын, вуй ум ок кул* [Китиков, 1981, с. 86] – ‘Сила есть, ума не надо’; *Ик ум сай, кокышто путьракат сай* [Там же] – ‘Одна голова хорошо, а две лучше’. Следовательно, можно говорить о нерелевантности этого знания в паремиях марийской нации об уме.

Революцию марийский народ воспринял с воодушевлением в надежде обрести светлое будущее: *Ленинын ойжо курым-курымаш* [Там же, с. 47] – ‘Наставления Ленина навека’; *Партий – калыкын ушыжо да чашие* [Там же] – ‘Партия – ум и достоинство народа’. Теперь ум понимается как способ достижения идеалов коммунизма: *Тунемде, коммунизмом чонаш ок лий* [Там же, с. 82] – ‘Без ученья невозможно построить коммунизм’.

Образное воплощение лексемы *ум* в пословицах имеет свои отличительные черты. Если в русских поговорках зооморфная метафора презентует и умного, и глупого, то у марийцев она использована только при изображении интеллектуально развитого человека: *Кайык пыстылже дене сораде, айдеме – ушыж дене* [Китиков, 1991, с. 114] – ‘Птица красна пером, а человек – умом’. Для русских ум – это дар божий, а марийский народ придерживается иного мнения: *Кӧ наука дене келша, тудлан юмо огеш кӱл* [Китиков, 1981, с. 103] – ‘Кто идет с наукой, тому религия не нужна’. В данном случае космогонический образ подразумевает своды правил и догмы религии, а наука – знания о природе и обществе.

При воссоздании образа глупца характерно применение не только женского образа, как в русской паремии, а нескольких элементов марийской номенклатуры родства: *Пеле йӱлер имныжым мокта, пӱтынӱ йӱлер ватыжым мокта* [Там же, с. 19] – ‘Дурак хвалит свою лошадь, а безумец – жену’; *Енга ватын ушыжтыжо латкок мардеж* [Там же, с. 22] – ‘У невестки в уме двенадцать ветров’, которые описывают уклад жизни древнего марийца.

Функционально-семантический и сопоставительный аспекты проведенного анализа лексем *ум / ум* позволили выявить их универсальные и этноспецифичные признаки как самостоятельных единиц языка, как компонентов многочисленных образований (поговорок), участвующих в трансляции картины мира и ее фрагментов. В научной картине мира в обоих языках в основе лексемы лежит архисема «способность человека мыслить». Экстралингвистические факторы (социально-исторические изменения) обуславливают увеличение и смену компонентов в периферийной зоне лексем. В дискурсе носителей обоих языков лексеме *ум* близки по смыслу понятия «разум», «интеллект», «сознание», «рассудок». В марийском сознании в содержательный минимум лексемы включена и «душа», что связано с жизнью в гармонии с миром и собой. Расширяет семантический объем лексем *ум / ум* «наивная» картина мира. Анализ контента русских поговорок позволяет констатировать, что ум человека накапливается благодаря его житейскому опыту и

обучению, а у марийцев ум категоризируется через призму семьи, передачи знаний из поколения в поколение. В контексте русской лингвокультуры концептуальное содержание и, следовательно, лексико-семантическое поле лексемы *ум* расширяются в результате взаимодействия с понятиями «мудрость», «хитрость», «обучаемость», «дар», в марийской – концептуально значимыми стали «прагматичность», «смекалка», «воля».

Таким образом, в целом, фундаментальные ценности универсальны для русской и марийской этнокультурных картин мира, варьирование возникает в различного рода нюансах (способах и формах выражения, смысловых акцентах, распределении и комбинаторике норм) как следствие влияния экстралингвистических факторов. По сути, иерархическая структура аксиологического сознания людей разных национальностей, разного этноменталитета и кода культуры приводят к лингвокогнитивным сдвигам в плане содержания универсальных категорий, ментальных констант типа *ум / ум*, обуславливая их этнокультурную маркированность, в частности в дискурсе паремииологического фонда.

Список литературы

- Андреев И. Ф., Иванов Д. И., Смирнов К. Ф. Русско-марийский словарь. Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1943. 508 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 4. СПб.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882. 707 с.
- Китиков А. Е. Калыкмут. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1981. 120 с.
- Китиков А. Е. Марий калыкмут мутер. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1991. 336 с.
- Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
- МарНИИЯЛИ. Марий йылме мутер. Словарь марийского языка в 10 томах / Под ред. И. С. Галкина. Т. 8. URL: <http://dict.fu-lab.ru/index.php/term/8,64561.xhtml> (дата обращения: 21.06.2019).
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «А ТЕМП», 2008. 944 с.
- Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1989. 431 с.
- Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. П. Аникина. М.: Художественная литература, 1988. 431 с.
- Русско-марийский словарь / Ред. коллегия: И.С. Галкин (глав. ред.) и др.; Марийск. науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории. М.: Советская энциклопедия, 1966. 848 с.
- Толковый словарь русского языка / Под ред. Ушакова Д. Н. В 4-х т. Т. 4. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. 1552 с.

References

Andreev, I. F., Ivanov, D. I., Smirnov, K. F. (1943). *Russko-mariiskii slovar'* [Russian-Mari Dictionary]. 508 p. Yoshkar-Ola, Margosizdat. (In Russian)

Dal', V. I. (1882). *Tolkovyi slovar' zhivago velikoruskago iazyka. V 4-kh t. – T. 4.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 volumes - T. 4.]. 707 p. St. Petersburg, Izdanie knigoprodavtsa-tipografa M.O. Vol'fa. (In Russian)

Kitikov, A. E. (1981). *Kalykmur* [Proverbs]. 120 p. Yoshkar-Ola, Mariyskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Mari)

Kitikov, A. E. (1991). *Mariy kalykmur muter* [Mari Dictionary of Proverbs]. 336 p. Yoshkar-Ola, Mariyskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Mari)

Kuznetsov, S. A. (2000). *Bol'shoy tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Great Dictionary of the Russian Language]. 1536 p. St. Petersburg, Norint. (In Russian)

MarNIIYaLI. Mariy yylme muter. Slovar' mariyskogo iazyka v 10 tomakh. Pod red. I. S. Galkina. T. 8. URL:

<http://dict.fu-lab.ru/index.php/term/8,64561.xhtml> (accessed: 21.06.2019). (In Russian)

Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu (2008) *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 944 p. Moscow, OOO "A TEMP". (In Russian)

Poslovitsy russkogo naroda: Sbornik V.Dalia. V 2-kh t. – T. I. (1989) [Proverbs of the Russian People: Collection of V. Dahl]. 431 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Russkie poslovitsy i pogovorki. Pod red. V. P. Anikina (1988) [Russian Proverbs and Sayings]. 431 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Russko-mariyskiy slovar'. Pod red. I. S. Galkina (1966) [Russian-Mari Dictionary]. 848 p. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. (In Russian)

Tolkovyi slovar' russkogo iazyka. Pod red. Ushakova, D. N. (1940) V 4-kh t. T. 4. [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 1552 p. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei. (In Russian)

The article was submitted on 17.09.2019

Поступила в редакцию 17.09.2019

Тимербаева Лейсан Валерьевна,

магистрант,
Елабужский институт
Казанского федерального университета,
423600, Россия, Елабуга,
Казанская, 89.
leisana_93@mail.ru

Timerbaeva Leysan Valerevna,

Master student,
Elabuga Institute
of Kazan Federal University,
89, Kazanskaya Str.,
Elabuga, 423600, Russian Federation.
leisana_93@mail.ru

Данилова Юлия Юрьевна,

кандидат филологических наук,
доцент,
Елабужский институт
Казанского федерального университета,
423600, Россия, Елабуга,
Казанская, 89.
danilovaespu@mail.ru

Danilova Juliya Jurevna,

Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Elabuga Institute
of Kazan Federal University,
89, Kazanskaya Str.,
Elabuga, 423600, Russian Federation.
danilovaespu@mail.ru

Бубекова Лариса Борисовна,

кандидат филологических наук,
доцент,
Елабужский институт
Казанского федерального университета,
423600, Россия, Елабуга,
Казанская, 89.
bular@yandex.ru

Bubekova Larisa Borisovna,

Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Elabuga Institute
of Kazan Federal University,
89 Kazanskaya Str.,
Elabuga, 423600, Russian Federation.
bular@yandex.ru